

Лунный свет, словно ртуть, струился с ночного неба, очерчивая нежный подбородок Мин Юя. Из-под алой маски его чёрные глаза долго, спокойно и сосредоточенно смотрели на него.

На мгновение в глубине взгляда Мин Юя проступили сдержанные, тяжёлые эмоции, постепенно всплывая на поверхность. Это была незнакомая Цзюнь Улэю боль, смешанная с горечью...

Он внутренне содрогнулся, желая разглядеть это внимательнее, но мужчина перед ним уже восстановил своё невозмутимое выражение, не оставив и следа от тех переживаний.

Мин Юй склонил голову, приблизился к уху Цзюнь Улэя и прошептал:

— Я знаю, чего ты хочешь.

Он сделал паузу, затем добавил, и в его тоне, вопреки кажущемуся спокойствию, сквозила почти нежность:

— ... Я готов дать тебе это.

— Так что не плачь так горько, — в холодных глазах Мин Юя мелькнул мягкий свет, и он издал едва слышный вздох. — Если ты действительно знаешь, чего хочешь, и не пожалеешь, я исполню твоё желание...

Окружённый знакомым ароматом, Цзюнь Улэй постепенно расслабился, отпустив напряжение, копившееся все эти дни, и наконец погрузился в глубокий сон.

* * *

Он спал без снов до самого вечера, а проснувшись, обнаружил, что в комнате, кроме него, никого нет. Знакомый холодный аромат давно рассеялся в воздухе.

Солнце клонилось к закату, заливая комнату косыми лучами. Цзюнь Улэй взглянул на своё тело — раны были очищены, обработаны мазью и туго перевязаны. Видимо, использовали отличное лекарство, потому что боли почти не чувствовалось.

Он уставился в потолок, некоторое время пребывая в лёгком оцепенении, а затем постепенно вспомнил, что произошло прошлой ночью. Чтобы успеть на празднование дня рождения Мин Юя, он, весь в ранах, днём и ночью мчался из Долины Сокрытого Дракона в Город Десяти Тысяч Демонов. Он принёс «Кровь Цанцяня», чтобы возродить «Пурпурный персик вечной весны», надеясь вызвать у того человека искреннюю улыбку.

Но оказалось... всё это было напрасно. Восстановление пурпурного персикового дерева вовсе не требовало «крови божественного дракона, дарующей жизнь». Это была всего лишь капризная ложь юноши.

Вспомнилась та ночь: под звёздным небом, в кружащемся снегу цветов, рядом с колышущимся пурпурным персиковым деревом мужчина распахнул объятия, а изящная фигура в бирюзовом, словно лёгкая ласточка, радостно бросилась к нему. Бледное лицо юноши задралось вверх, на нём играла лёгкая, усталая улыбка, а пылающий взгляд был прикован к мужчине так сосредоточенно, будто в мире больше не существовало ничего иного...

Такой юноша, даже солгав ему, не вызывал в Цзюнь Улэе ненависти.

Разве любить кого-то — преступление?

За время выздоровления в Чертоге Бай Сюй Цзюнь Улэй ни разу не видел Мин Юя. Тот, казалось, был очень занят.

Сначала это не вызывало вопросов, но со временем в нём зародились сомнения. Несколько раз он пытался выспросить у Сюэ Ци, не случилось ли чего в Городе Десяти Тысяч Демонов, но каждый раз получал один и тот же отпор.

Стоило ему заикнуться, как Сюэ Ци почтительно повторял заученную фразу:

— Повелитель велел вам сосредоточиться на выздоровлении, обо всём остальном Ци ничего не знает.

Только вот юный слуга сохранял лицо белое, словно фарфор, а в почтительном тоне сквозила лёгкая, но отчётливая насмешка, которую он даже не пытался скрыть.

Вокруг него сменили прислугу на людей из Халцедонового дворца. Его быт стал ещё комфортнее и утончённее, а ночной дозор значительно усилили. Хотя он и чувствовал, что от него что-то скрывают, постепенно он перестал спрашивать о местонахождении Мин Юя. Находя себе занятия в свободное время, он жил вполне беззаботно и довольствовался малым.

Проснувшись утром, он шёл во двор выполнить комплекс упражнений, заодно подразнив глупых птиц. После обеда, с зубочисткой в зубах, он подтрунивал над серьёзным старшим слугой, чтобы скоротать время. Вечером, в саду, заказывал кувшин вина из осенних цветов и наслаждался им в одиночестве. Перед сном развлекался, создавая фигурки из теней руками под одеялом, — тоже находил в этом свою прелесть.

Цзюнь Улэй рассудил, что раз Мин Юй оставил его здесь, значит, у того были свои соображения. Возможно, некоторые дела он не хотел ему доверять. Поэтому Цзюнь Улэй решил спокойно оставаться в Чертоге Бай Сюй, чтобы не создавать тому неудобств.

Так прошло три месяца, пока в Башне Усмирения Демонов в шестом регионе не вспыхнул мятеж. Тогда Цзюнь Улэй наконец покинул Чертог Бай Сюй, отправившись вместе с Королём Демонов на подавление смуты в качестве одного из телохранителей.

В день отправления небо было безоблачным, солнце сияло ослепительно.

Наблюдая издали, как у городских ворот влюблённая пара, держась за руки, со слезами на глазах прощается, он не удержался от внутренней насмешки: «Неужели это прощание навеки? И зачем так выставлять свои чувства напоказ?»

У подножия величественных ворот стройная фигура в ярко-синем соскочила с белого скакуна и опустилась на одно колено перед роскошной колесницей. На юноше была лишь тонкая рубаха из шёлковой парчи, волосы рассыпались по плечам, а поднятое лицо казалось болезненно бледным. В янтарных глазах мелькнула тревога.

— Повелитель, позвольте Ю Мо последовать с вами для подавления мятежа.

— Духовная практика твоего рода отличается от обычной, тебе нужно разрушить, чтобы восстановиться. Мо, ты только что рассеял свою духовную энергию и сейчас находишься в ключевой фазе её восстановления в меридианах. Как ты можешь скитаться где попало? — Мин Юй недовольно скользнул взглядом по стоявшему рядом слуге, и тот весь покрылся холодным потом.

— Не дури, возвращайся и погрузись в практику, — обращаясь к юноше, его взгляд смягчился, в нём появилась нотка нежности. Мин Юй велел принести белую соболью накидку и накинул её на юношу. — Сегодня я веду шесть тысяч человек. Неужели они не смогут защитить меня?

— Но в последние месяцы наёмники несколько раз проникали в Халцедоновый дворец, а в прошлый раз они едва не ранили вас, — Ю Мо упрямо смотрел на человека в колеснице, его лицо выражало непоколебимую тревогу. — Позвольте мне быть рядом, иначе я не смогу обрести покой!

— Тогда мне просто повезло, больше такого не повторится, — под лучами солнца и лёгким ветерком Мин Юй слегка поднял подбородок, его красная маска-демон сияла. Голос звучал спокойно, но в нём чувствовалась властность, покоряющая сердца. — Если я не справлюсь с тысячью злых духов, как я смогу повелевать другими?!

— Воины, слушайте приказ! Вперёд!

Едва прозвучали эти слова, длинная процессия тронулась в путь. Проезжая мимо юноши в синем, Цзюнь Улэй не удержался и крикнул, наклонившись с седла:

— Эй, взгляни на себя! Ты выглядишь хуже, чем я после месяца лечения. Детям не стоит лезть в такие дела, сиди дома и тренируйся, а то ещё сойдёшь с ума.

Ю Мо стоял на ступенях, ветерок трепал его длинные распущенные волосы, янтарные глаза светились ярко и печально. В этот миг он выглядел растерянным, словно зверёк, отбившийся от стаи, слегка теребя в руках белую накидку. Во взгляде читалась потерянная и

беспомощность.

В груди Цзюнь Улэй что-то сжалось. Он тут же решил, что больше не будет дразнить этого лисёнка. Чувство вины за то, что обижаешь ребёнка, было слишком сильным.

— Повелитель не позволяет тебе вмешиваться в дела дворца, чтобы защитить тебя. В последнее время в Городе Десяти Тысяч Демонов беспокойно, — Ю Мо опустил голову и вдруг заговорил.
— Надеюсь, ты помнишь о заботе, которую повелитель проявляет к тебе, и присмотришь за ним в пути.

Цзюнь Улэй на мгновение опешил, но тут же понял: этот гордый юноша так униженно просил его ради человека в колеснице. Сердце сжалось, накатывая странной, кисловатой горечью.

— Об этом, конечно, не стоит и говорить. Это моя обязанность.

Цзюнь Улэй взмахнул кнутом и ускакал вперёд.

Покинув Город Десяти Тысяч Демонов, он оглянулся. Солнце погрузилось в облака на горизонте, окрасив их в цвет красного сандала.

Тонкая фигурка под сенью величественных ворот долго стояла неподвижно, провожая взглядом удаляющееся войско, пока наконец не превратилась в маленькую чёрную точку на краю неба...

Тысячи ли туманных вод, вечерние сумерки сгущаются.

Хотя он и был личным телохранителем, Цзюнь Улэй не мог находиться в одной колеснице с Мин Юем. Ему оставалось лишь с тоской взирать на роскошный экипаж, запряжённый двенадцатью скакунами, и вздыхать: «Вот это богачи размахнулись!»

Кузов был настолько велик, что мог вместить пять-шесть человек. Чёрные занавеси с изображением прожорливого демона Таоте выглядели роскошно и величественно, но при этом строго и холодно. Колёса скрипели, катясь по пыльной грунтовой дороге.

Колесницу окружали шесть тысяч воинов в доспехах, шагавших в ногу, вздымая за собой густые облака жёлтой пыли.

<http://bllate.org/book/15278/1348710>